
КОНТЕКСТ

А.И. СОЛОВЬЕВ*

НАРРАТИВЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЛАСТИ. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ НАРРАТИВНЫХ ПОЛИТИК

Аннотация. Опыт показывает, что нарративы постепенно превращаются в основной инструмент организации публичного дискурса, обретая субстанциональное значение для всех политических акторов, маневрирующих в пространстве власти. В этой связи возникает исследовательская проблема: как механизмы публичного продвижения политических историй изменяют коммуникативную среду в пространстве власти, вписываясь при этом в общеполитический курс государства и влияя на цели конкурирующих с ним акторов, тем самым трансформируя реакцию общества на соперничество заложенных в историях политических смыслов и ценностей.

Одним из способов решения этой проблемы является рассмотрение роли нарративов в поле публичной политики, где последняя понимается как разновидность пространства власти, отражающего конкуренцию соперничающих сил и их целенаправленных проектов. Такой ракурс изучения, соединяющий устоявшиеся в научной литературе трактовки государственных политик с целенаправленным использованием нарративов, позволяет уточнить политический функционал этой когнитивной конструкции, влияющей на общественное мнение и политические изменения.

Методологически решение этой задачи предполагает использование принципов неклассической и неонеклассической методологий с их номотетическими стратегиями, позволяющими связать развертывание политических повествований с акторами публичной политики, а также структурами и механизмами

* **Соловьев Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: solovyev@sps.msu.ru

© Соловьев А.И., 2025

DOI: 10.31249/poln/2025.02.01

политико-административного регулирования. Это позволяет корректно использовать лексику целевого применения нарративов, описывая соответствующие акции структур и институтов через призму конструктивистских, коммуникативных и нарративных подходов, раскрывающих процесс усвоения людьми целевых инвективов и учитывающих трансверсальные связи публичных и латентных акторов, административные и политические методы политического проектирования.

Ключевые слова: власть; пространство политики; публичный дискурс; профанная культура; нарративы; нарративные политики; стратегии.

Для цитирования: Соловьев А.И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 18–40. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>

Введение

Как особые когнитивные конструкции, нарративы в отечественном общественном сознании изучаются в рамках различных научных направлений, в частности, предполагающих их рассмотрение как инструментов изучения дискурса и символической политики [Malinova, 2022], описания лингвосемантического и семиотического содержания этого типа текстов [Кириллов, 2007; Шейгал, 2007; Помигуев, Прокопчук, Кошкин, 2024] (включая характеристику их вербальных и иконических компонентов [Подшибякина, 2021]) или же рассмотрения их как средств «выразительности» замыслов человека в его речевом общении [Мусихин, 2024]. Однако существуют и работы, выходящие за рамки коммуникативного формата и связывающие нарративы со специфическими политическими процессами, например, с парламентскими дебатами, рассматриваемыми в качестве фазы формирования правительственной повестки [Ульданов, 2024]. Такое направление расширяет методологическую рамку изучения нарративов, рассматриваемых не только как «убедительные рассказы, преследующие... политическую цель» [Shanahan et al., 2011, p. 540] и которые побуждают соответствующую активность человека, апеллируя к его повседневным интерпретационным стандартам, не требуя при этом использования сложных когнитивных механизмов и навыков вычленения смыслов, содержащихся в политических явлениях, но и как средство, используемое в целеполагающей активности *всех* политических акторов. В этом контексте, раскрывающем их собственно политическое значение (аттестующее конкурентную среду в сфере завоевания и применения власти), нарративы выступают как те смысловые конструкции, которые, будучи помещенными в пространство

властной конкуренции, активируют их определенные субстанциональные и структурные компоненты и в этом смысле могут рассматриваться как инструменты инициации политических проектов, сопровождения и корректировки их целей, оспаривания позиций конкурентов и т.д.

Так, сторонники оформившейся после работы МакБита (2010) «концепции политического нарратива»¹ (narrative policy framework – NPF) выделяют в структуре нарративов лишь те его элементы (героев и злодеев, сюжетную фабулу и контекстуальные параметры их взаимосвязи, в итоге обуславливающие наличие некоего морального выбора) [Jones, Radaelli, 2015 p. 342], которые порождают политические и поведенческие отклики реципиента на исходные послания и явления. То есть являются необходимыми и минимально достаточными для образования коммуникативных связей в сфере власти. Поскольку исследователи, в том числе сторонники NPF, в основном рассматривают «нарративные политики» как зонтичный термин для изучения дискурсивных практик, появляется задача спецификации этого понятия, связывающая содержание нарративов с политико-административными механизмами осуществления властно значимых целей. В этом плане задача данной статьи состоит в утверждении специфического содержания этих *нарративных* политик, а также выявлении их возможностей при властном позиционировании политических игроков (в том числе и корректировке претензий государства). Учитывая же эпистемическую емкость решения данной задачи, можно говорить только об описании наиболее общих граней этой проблемы, обозначающих лишь контур позиционирования нарративных политик в пространстве власти.

Нарративы и нарративы

Хотя ««общество» не может быть объектом эффективного расчета, менеджмента, управления или руководства» [Jessop, 2012, p. 6], государство вместе с другими политическими игроками активно воздействует на массовое сознание для поддержания своих проектов, поощрения социального энтузиазма или же провоцирования «эндогенных вспышек протестной активности» [Epstein,

¹ Другой вариант перевода – теория нарративного анализа политики. – *Прим. ред.*

2002], направленных против своих конкурентов. В то же время сложность культурного разнообразия общества, сопряженная с постоянным «заражением» человека идеями и ценностями, отражающими «эндогенные уязвимости» его жизненных стандартов [Jessop, 2012, p. 1], требуют от политических игроков постоянного обновления методов влияния на сознание общества, предполагающих «верное» считывание людьми смыслов и ценностей в их политических месседжах. Поскольку же для большей части населения коммуникация с политическими структурами и институтами не является острой жизненной необходимостью, то поддержание таких контактов и связей (в конечном счете обуславливающих характер подчинения или повиновения государственным требованиям) зависит от используемого в дискурсе разнообразия когнитивных инструментов.

Длительное время национальные государства использовали доктринальные (идеологические) способы организации политических коммуникаций. Однако нарастающая сложность и усиливающаяся разнородность социума, подогреваемая динамикой «не-соизмеримых друг с другом культур» [Лихачев, 1990, с. 3], стали выдвигать на первые позиции повествовательные конструкции (нарративы), ранее обладавшие вспомогательной ролью в организации публичного дискурса [Соловьев, 2025]. Предлагая людям бесхитростные доводы и не используя сложную аргументацию и терминологию, эти когнитивные конструкции стали выстраивать в сознании людей прочные символические конструкции интерпретации политических явлений, как прошлых, так и будущих¹. Более того, апеллируя к нормам профанной (бытовой, повседневной) культуры населения и даже «неврологическим реакциям» людей на экзогенные факторы [Berinsky, Kinder, 2006], нарративы позволяли людям эмоционально (порой бессознательно) солидаризироваться с (подчас далекими от их интересов) приоритетами и целями политических игроков², которые использовали «убеждения»

¹ В этом собственно политическом контексте нарративы обладают вполне синонимичным характером с иными повествовательными конструкциями вербального (рассказы, истории, мистерии, сказки, песенный материал) и иконического содержания.

² Как говорил бывший президент США Б. Обама, «Я пришел к выводу, что люди голосуют не на основе политики, даже не на основе фактов. Они голосуют на основе рассказов. И я стал президентом, честно говоря, потому что рассказал довольно хорошую историю о том, какой Америка может быть и должна

людей для того, чтобы «поддержать предпочитаемые ими политические действия» [Tosun, Schaub, 2021, p. 345].

Коротко говоря, мнимое простодушие нарративов (не требующих от человека ни особых компетенций, ни даже политического опыта), не только помогает политическим месседжам проникать в глубокие структуры сознания, но и становится «важнейшим источником понимания политического маневрирования, различения политических идеологий и определения проблем» [Shanahan et al., 2011, p. 536]. Но хотя применение нарративов делает публичный дискурс более открытым для человека процессом (сохраняя гипотетическую готовность к выполнению различных ролей и функций), такое положение ведет и к исчезновению у них потребности в повышении своей коммуникативной компетентности, необходимой для более точной и аутентичной градации политических объектов.

Однако функционирующие в публичном пространстве власти нарративы поддерживают различные и отличающиеся по своему функционалу акции и интеракции политических акторов. Так, NPF-исследователи, различая разработку политики [Knoepfel et al., 2007; Pleger et al., 2018] и ее процессуальные особенности [Weible, Sabatier, 2017], предлагают отличать нарративы и их элементы, «которые фокусируются на содержании политики», раскрывая «ее конкретную конфигурацию» (включая «определение проблемы, политические инструменты, обозначение целевых групп и т.д.»), от тех рассказов, которые вовлечены в реальный политический «процесс», аттестуя в этом случае «жизненный цикл политики», «различные этапы, через которые она проходит», «общественную динамику, разворачивающуюся вокруг нее», «факторы, вызывающие изменение политики», а также иные аналогичные характеристики [Kuenzler, Stauffer, 2022, p. 2]¹.

Коротко говоря, «содержательные элементы политического нарратива относятся к модели реализации политики», а «относящиеся к процессу фокусируются на конфликтах власти в жизненном цикле политики» [ibid., p. 2–3]. Таким образом, «нарративы в

быть» (Obama B. In a German TV interview in November, available at: https://www.youtube.com/watch?v=7B_IN3RbXF8 (accessed: 5 January 2021).

¹ Сторонники такого подхода иллюстрируют эти различия на примере архетипической для нарратива фигуры «злодея», которая в случае причинения боли «жертве» рассматривается в контексте содержательного исследования политики, а в качестве фактора, который «противостоит... целям» «героя», в рамках процессуального подхода [Shanahan et al., 2018 b, p. 343].

части содержания дебатов нуждаются в утверждениях относительно эффективности политики, тогда как политические нарративы в части процесса дебатов могут опираться на личные нападки политических акторов, которые не имеют ничего общего с реальной политикой, которая обсуждается в данный момент» [Kuenzler, Stauffer, 2022, p. 2–3]. Одним словом, проблемы сюжетного наполнения нарративов (оцениваемые с точки зрения их публичной эффективности) качественно отличаются от их процессуальной роли (связанной с сопровождением и изменением повестки, предупреждением рисков, оправданием изменения целей, поддержкой институтов и т.д.). Собственно, второе из указанных направлений анализа и является теоретической платформой спецификации нарративных политик как тех взаимосвязанных и целенаправленных акций политических игроков, которые используют повествования в качестве информационно-символического инструмента мобилизации и координации действий своих сторонников, коррекции планов и оспаривания позиций конкурентов при решении поставленных задач.

В то же время многочисленные исследования процессуальной роли нарративов, учитывая характер различных институциональных контекстов и областей политики и продолжая «уточняться по мере применения NPF к новым областям и контекстам» [Schlauffer et al., 2022, p. 251], сохраняют немалое число проблем, предполагающих их интерпретацию в рамках политико-административных действий государства, групп организованных интересов и прочих акторов, действующих в пространстве власти. Благодаря «методологической открытости» NPF, позволяющей расширять эту теоретическую базу и сочетаться с «иными концептами» [ibid.], можно предложить некоторые подходы, позволяющие уточнить их собственно проектное измерение, расширяющее возможности для урегулирования конфликтов и продвижении инноваций.

Раскрывая содержание *нарративных политик*, мы будем понимать их как скоординированные акции и интеракции политических игроков, связывающих задачи и основные параметры своей целенаправленной деятельности с применением политических повествований, выступающих решающим инструментом координации и контроля их действий со своими последователями в гражданском и корпоративном секторах общества, необходимой коррекции поставленных планов, своевременного оспаривания пропагандистских стратегий соперников и размывания их политического имиджа. Однако многогранное содержание этих политик требует обратить внимание на различные типы повествований, используемых при их

формировании и осуществлении. Хотя ученые признают, что политические нарративы «генерируются и публично распространяются заинтересованными группами, отдельными гражданами, выборными должностными лицами и средствами массовой информации» [Shanahan et al., 2011, p. 542], тем не менее можно выделить всего *три* типа таких повествований, значимых для формирования и продвижения политических проектов.

Прежде всего, к ним следует отнести политические повествования, обслуживающие *целенаправленные* акции (стратегии, отраслевые и территориальные политики, программы, проекты и др.) структур и институтов на макро- и мезоуровнях политической системы, отражающие цели и замыслы отдельных фигур и элитарных микрогруппировок и осуществляемые на различных аренах и площадках публичной политики (накладывающих определенные ограничения на их применение). В их реализации важную роль играют *политтехнологи и эксперты в области коммуникативного менеджмента*. Здесь безраздельно властвуют «стратегически сконструированные рассказы, призванные убедить общество и / или лиц, принимающих решения, в предпочтительном для коалиций [а равно и иных акторов] политическом результате» [Shanahan et al., 2011, p. 536].

Используемые здесь нарративы неизбежно поддерживают общие параметры публичного продвижения политических проектов, сохраняя возможности инсценирования и театрализации политических событий, сокрытия правительством или его оппонентами своих подлинных целей, внезапного «пере-обозначения проблем» [Windhoff-Héritier, 1987], а также другие характеристики политически целесообразных действий структур и институтов, конкурирующих за прерогативы государственной власти. Это касается не только проектов государства, но и стратегий партий и групп организованных интересов (корпоративных игроков), стремящихся использовать нарративы для того, чтобы «создавать господствующие» или разрабатывать «суб- или контргосподствующие смысловые системы», демонстрирующие свои формы «избирательной апперцепции (узнавания и неузнавания)» политических требований [Jessop, 2012, p. 2, 9]. В конечном счете корпоративные повествования становятся «контрнарративами» по отношению к целям других политических игроков и предполагают «критику выбранных реакций» и нарративов, «которые доминировали в коммуникации правительства» [Kuhlmann, Blum, 2021, p. 298].

В ряде случаев используемые корпоративными игроками рассказы могут не транслировать особые политические идеи, но и просто сопутствовать и быть полезными при решении отдельных проблем. Одним словом, заявленные «сверху» нарративы обладают как атрибутивным значением для обозначения экзогенных по отношению к обществу целей и ценностей, так и вспомогательным характером (выступая в виде инструментов осуществления доктринальных установок). Однако в условиях конкуренции даже тот факт, что государство конструирует очертания публичного дискурса, не позволяет утверждать, что «следует *априори* отдавать предпочтение» идеям этого гегемона, являющегося лишь одним из акторов, действующих в этом политическом «семиозисе» с его «интерсубъективными смыслами» [Jessop, 2012, p. 2].

Второй разновидностью влияющих на политическое проектирование нарративов являются мистерии и рассказы, формирующиеся внутри *элитарного корпуса*, чьи представители закладывают в публичные акции структур и институтов собственные интересы и замыслы, корректирующие содержание публичных акций. С одной стороны, производимые правящими кругами истории обладают способностью к масштабированию «защитых» в них партикулярных и корпоративных ценностей и убеждений при помощи институциональных образований. Что в ряде случаев создает риски искажения общественных интересов, институциональных девиаций и приватизации находящихся в их непосредственном распоряжении ресурсов.

Сопровождая различные стадии урегулирования внутри элитарных конфликтов, эти нарративы проявляются в публичной сфере в виде различного рода не всегда обоснованных инноваций, медиакампаний, демонстрирующих «критику общественностью» коррупции и иных прегрешений соперников и конкурентов (стремящихся выдвинуть соперничающие проекты, но уже со своими корпоративными приоритетами). Коротко говоря, инъекции *своих* нарративных политик в публичном поле обусловлены потребностями различных групп правящего класса задействовать массовую активность населения в качестве ресурса повышения своей конкурентоспособности и получения дополнительных общественных ресурсов. Одновременно власти предрежающие решают задачу недопущения «сливов», т.е. просачивания в публичный дискурс вредных для них сведений и подлинных целей политических маневров, наделяющих отдельные персоны «экстраординарными мандатами» при использовании власти (создающие для конкурен-

тов своеобразные вето-пространства). В целом же последствия опубликования микрогрупповых целей (требующих сюжетного обновления политических повествований) простирается от угроз своим конкурентам до имитации целенаправленной политики государственных институтов.

С другой стороны, нарративы, порожденные интересами правящего слоя, подкрепляя групповую «герметизацию» элитарных слоев и их деловых контактов [Смирнов, 2017, с. 17], формируют тот коммуникативный контур, который неразрывно связан с поддержанием их ролевых контактов, а также отношений с бенефициарами (составляющими с правящими слоями особую коллаборацию). Однако эти порождаемые нарративами внутри элитарные коммуникации в ряде случаев превращаются в разновидность политических игр крупных персон, полностью игнорирующих интересы общества и гражданских целей. Тем самым поддерживаемая нарративами «игротека», сохраняя цели окол властной коммуникации, лишается своего подлинно политического смысла.

Крайне важно подчеркнуть наличие и политическую роль мистерий и рассказов, которые образуются в скрытых от общества властных коммуникациях, образующихся в латентной сфере политики [Коньков, 2021; Соловьев, Коньков, 2024]. Нарративы, производимые этими сетевыми ассоциациями, являются неким «коалиционным клеем», позволяющим им поддерживать внутреннюю сплоченность и придерживаться «набора базовых ценностей, каузальных предположений и восприятий проблем» [Sabatier, Jenkins-Smith, 1993, с. 25]¹. При этом, используя неформальные каналы влияния на институты власти, эти «малые миры» способны пре-

¹ По сути, будучи единственным средством общения и предпосылкой самоосуществления функционала правящих кругов, эти нарративы обслуживают их конфиденциальные и недекларируемые контакты в системе государственного управления, наполняя свои политические контакты сведениями, необходимыми для поддержания и усиления своих позиций в зоне власти. Так, к задачам, решаемым на основе обращения нарративов, относится обнаружение угроз безопасности и рисков сохранения представителями элитарных групп своего местоположения (особенно в связи с возможными распознаваниями их несанкционированных связей с бизнес-партнерами за пределами служебной иерархии или криминальной коллаборации с бенефициарами принимаемых ими решений); определение состава конкурирующих группировок и шансов компрометации противников, а также получение сведений, обуславливающих возможности снижения транзакционных издержек микрогрупповой конкуренции и сочетания своих «фланговых» проектов с центральными задачами государственной политики [Соловьев, 2024].

одолевать административные барьеры в аппарате государственного управления и «воплощать эти убеждения в предпочтительную публичную политику» [Shanahan et al., 2011, p. 548].

Одним словом, формируясь вокруг центров принятия политических решений (как основной зоны распределения ресурсов, перекрывающей по своему значению такие атрибуты властного позиционирования, как размер занимаемых кабинетов, численность охраны, марки машин, типы используемых летательных аппаратов и проч.), они способны, продвигая свои истории, влиять на характер микрогрупповых коммуникаций в правящей элите и самым существенным образом воздействовать на цели официальной государственной политики.

Как бы то ни было, но во внутриэлитарных коммуникациях политические рассказы становятся принципиально важными когнициями, содержащими смысловые и символические сигналы (включая даже косвенные намеки), позволяющие элитарным игрокам повышать свою конкурентоспособность и одновременно обеспечивать безопасность в условиях острого соперничества за власть и распределяемые ресурсы. Более того, нарративы позволяют не только извлекать из внутреннего инфополя важные для политических персон сведения или получать доступ к их информационным ресурсам конкурентов, но и использовать в своих целях скрытые, потенциально значимые смыслы этих посланий [Петросян, 2018, с. 113].

Третьей группой политически значимых нарративов являются истории, которые формируются в *социальной толще* повседневной жизнедеятельности населения и содержат сформированные культурным контекстом устойчивые политические убеждения, в рамках которых люди интерпретируют политические проблемы. С одной стороны, выделение этого класса историй позволяет различать «политические нарративы» как некие целостные повествования, формирующиеся стихийным образом, и нарративы, распространяемые, чтобы получить «предпочтительный политический результат» [Shanahan et al., 2011, p. 545]. Такие повествования поддерживают и даже укрепляют субкультурную диверсификацию общества, поскольку «люди могут одновременно» отдавать предпочтения «нескольким различным нарративам» [Shanahan et al., 2018 a, p. 922]. С другой стороны, их политический функционал обладает высоким уровнем волатильности или, другими словами, вполне очаговым характером влияния на государственные и корпоративные нарративные политики. Чаще всего их влияние на

исходные задачи и цели этих игроков носит корректирующий характер, выступая как некий эндогенный фактор, позволяющий в ряде случаев обновлять сюжетную линию достижения целей.

Апеллируя к различным традициям и нормам повседневности, эти нарративы не столько конкурируют с заданными политическими игроками историями, сколько дополняют, корректируют, а временами даже противостоят содержащимся в них смыслом и замыслом. Конечно, не все нарративы из этого резервуара повседневности обретают публичные и тем более политические формы. Однако в любом случае эти повествования (будучи своеобразными отблесками смыслов и ценностей населения, запечатленных в кинофильмах, театральных постановках, коммуникациях сарафанного радио), фильтруя и корректируя их содержание, сохраняют определенную резистентность по отношению к целям государственных и корпоративных проектов. Нередко столкновение с этим культурным массивом исключает доминирование официальных целей, стимулируя дискурсивную напряженность и образование точек напряженности и увеличения альтернатив политической активности. В силу этого политические игроки, надеясь, что «политические истории» общества, «как и сказки, имеют универсальные темы и культурно-специфические вариации» [Stone, 2012, p. 164]¹, стремятся гармонизировать с ними свои цели, популяризируя сюжеты, наполненные стереотипами любви к родине, жертвенности, доверия вождям, сопротивления внешним захватчикам и т.д. Но как показывает опыт, в странах, где складываются формы авторитарно-догматического плюрализма, амплитуда «низовых» нарративов, порожденных стихийным разнообразием культурных паттернов, функционирует в рамках устойчивого контроля за их смысловым и символическим содержанием.

¹ Такие универсальные темы, как правило, связаны с историями о перспективах упадка или развития страны, снижения уровня жизни и иными сюжетами, в которых используются аллегории, мифы, обещания и надежды на справедливость и равенство прав и возможностей, соотношение контроля и свободы человеческой активности, вспоможествования или дистанцирования от помощи другому, отношение к потерям и обретениям, сохранение достоинства и унижение, заговоров, обвинений жертвы и т.д. [Stone, 2012, p. 160–168]. Ряд ученых добавляют в этот перечень новые сюжеты, например, «историю побед» [Shanahan et al., 2018 a] или же обсуждение коррупционных практик, критика которых помогает людям «чувствовать свою связь с общественной жизнью» и осмысливать политику, «как бы далеко они ни находились в стороне от политической системы» [Forattini, 2021, p. 2].

Нарративные политики: возможности и пределы

В пространстве власти масштабное использование нарративов иллюстрирует «*символические стратегии*, посредством которых агенты намереваются учредить... свое положение» в социальном мире» [Бурдье, 2007, с. 28]. На этом фоне «нарративные политики» олицетворяют базовые формы целенаправленного использования политических повествований, складывающихся на всех уровнях и аренах публичной сферы, транслируя интересы институциональных акторов и структур и насыщая дискурс сюжетным разнообразием, в конечном счете влияют на динамические параметры «легитимации политики» [Kuhlmann, Blum, 2021, p. 276].

Используемые в этом контексте нарративные политики в процессе целеосуществления решают весьма сложную задачу: учитывая свою принципиальную зависимость от конгруэнтности тиражируемых историй культурным нормам политических, корпоративных и гражданских акторов (а равно и от устойчивости восприятия людьми конкурирующих повествований), им необходимо оперативно учитывать влияние сложно связанных экзогенных и эндогенных факторов, применять соответствующие контексту способы координации совместных действий, гасить экстраординарные всплески активности отдельных политиков, реагировать на изменения институционально-правового регулирования публичного поля. То есть совмещать формы масштабной коммуникации с параметрами столь же массового проектирования. Существенным фактором их успешности становятся ресурсная оснащенность и решимость инициаторов проектов.

Олицетворяя специфический тип целенаправленной активности государственных и корпоративных акторов, нарративные политики выдвигают повествования в качестве преобладающего ресурса и источника их активности, способного поддержать их претензии на устойчивое позиционирование в пространстве власти. Однако желание политических игроков обеспечить «доминирование» своих «ключевых нарративов» [Hajer, 1993, p. 47, 55] связывается не только с внушением людям ожиданий планируемых результатов или формированием аффективных реакций на основе сигналов, нарушающих или драматизирующих важные для человека знаковые события (например, за счет активизации ценностных ориентаций, провоцирующих подчас катастрофическое отрицание неприемлемых подходов и желания отстоять свою «правду» и «истину»), но и с использованием дополнительных организаци-

онных, технических и иных ресурсов. Поэтому те игроки, которые не способны – за счет этой совокупных ресурсов – преодолеть границы публичного дискурса и не могут по-своему «рассказать, что происходит», вынуждены «прекращать свое существование и исчезают» из пространства соперничества за властные диспозиции [Jungrav-Gieorgica, 2021]. Так что «добиться победы в политической битве» с «контрнарративами», используемыми «другими политическими акторами и содержащими критику выбранных реакций» [Shanahan et al., 2013, p. 468], нарративные политики могут не только за счет повышения дискурсивной мощи и повышения конгруэнтного характера предлагаемых повествований, но и институциональной или неформальной поддержки крупных игроков на арене власти, способных придать активности «пропагандистских» коалиций необходимый масштаб и влияние.

Одним словом, речь в данном случае идет о дополнении силы повествований иными находящимися в распоряжении политических игроков ресурсами. И только общий набор этих ресурсов и инструментов в конечном счете помогает актуализированным в дискурсе нарративам прочерчивать границу между тем, на что могут влиять коммуникативные усилия структур и институтов, а на что нет (в конечном счете – чем могут в этой стране управлять правящие круги, и на что их власть распространяться не способна). Иначе говоря, важнейшей характеристикой нарративных политик является ресурсная взаимодополняемость целенаправленных акций, которая, в свою очередь, неразрывно связана с различными формами коллаборации с союзническими акторами, развитием партнерских отношений с поддерживающими эти цели НКО и бизнес-организациями (способствующих также успеху в соперничестве с оппонирующими игроками).

Другими словами, нарративные политики неизбежно представляют собой форму *совместных* действий структур и институтов (испытывающих влияние *скрытых* от общества коалиций правящего класса) с поддерживающими их цели и ценности сегментами гражданского сектора и использующими наряду с играющими центральную роль нарративами набор разнообразных (финансовых, организационных, технических и иных) ресурсов и инструментов, направленных на решение общественно значимой задачи повышения *конкурентоспособности* инициаторов этих проектов в пространстве власти.

В этом плане нарративная политика государства, популяризируя политические смыслы и символы в публичной сфере и будучи

составной частью общеполитического курса правительства, должна подкреплять своими акциями кооперацию и координацию усилий участников своего проекта. Однако не во всех государствах даже политический курс обладает длительной временной стабильностью. А в некоторых случаях он вообще подвергается резкому изменению и, следовательно, изменению объема лоялистов. В этих случаях именно нарративные политики первыми откликаются на конъюнктурные трансформации и вынуждены реагировать на волны политической активности общества, не исключая политического «переобозначения проблем» [Windhoff-Héritier, 1987] (или, проще говоря, конъюнктурного изменения позиций властей).

При этом в государстве, несмотря на то что его институты представляют свои позиции как направленные на интересы широких слоев населения (в отличие от конкурентов, решающих проблемы для своей узкокорыстной пользы [Stone, 2012]), всегда различается и объем аудитории, которая рассматривают эти сообщения как повод для подчинения и повиновения, и набор лиц, принимающих решения. Иначе говоря, «слова, изображения и символы для ... создания политических нарративов» находят здесь различный «отклик» и в обществе, и среди «заинтересованных сторон и ... лиц, принимающих решения в правительстве, с целью создания побеждающей коалиции» [Shanahan et al., 2011, p. 536].

Такая разрозненная реакция показывает, что нарративные политики со всем набором аргументов и «контрриторических стратегий» срабатывают только в том случае, если на них откликаются аудитории и лица, приверженные транслируемым смыслам и ценностям, приоритетам и целям (справедливости или порядку, иерархии или делиберации, также иным параметрам политического поля власти). Это показывает, что в понятие нарративных политик (в отличие от канонических трактовок государственных, отраслевых, региональных и прочих политик) целесообразно включать ценностно-ориентационные и поведенческие *последствия* тиражирования политических историй. Другими словами, учитывая конкурентное столкновение различных политических повествований, нарративные политики демонстрируют не только *проективные* усилия политических игроков, но и *результаты* их фактического (официального и неформального) взаимодействия, показывающего, насколько политические рассказы смогли получить поддержку, необходимую для продвижения заявленных целей.

Следует, однако, заметить, что в государстве неизбежно срабатывают факторы, снижающие такую результативность. В част-

ности, скрытые от публики неформальные группировки правящего класса, стремясь монетизировать свои скрытые от общества позиции в институтах и структурах власти, используют свои возможности «не для привлечения союзников, а разобщения соперников» [Pralle, 2006, p. 201]. Такая активность влиятельных политических инвесторов неизбежно усиливает межинституциональную напряженность в государственном управлении, теневые транзиты в сфере кадрового обеспечения политики, постоянные отклонения институтов от нормативных требований служебной деятельности и т.д. В конечном счете испытывающие эти влияния нарративные политики сосредоточиваются на частных конфликтах, персональных разборках ведомств, порождающих смуту в общественном сознании и риски доверия к власти.

Крайне существенно, что нарративные *политики* как форма «коллективных действий, в которых участвуют ... группы», занимающие определенное «место в процессах, результатах, реализации и проектах публичной политики» [Jones et al., 2014], вмещают в себя не только идейно-политические инвективы (апеллирующие к союзническим или оппонирующим структурам), но и неизбежные административные механизмы (технологии), координирующие и организационно направляющие совместную активность участников этого процесса. Иначе говоря, если удачно найденные нарративы (даже конфликтующие с массовыми стереотипами) могут оказаться мощным средством изменения политики, коллективные акторы могут использовать эти рассказы только в сочетании с организационными ресурсами, комбинируя их применение с другими инструментами. Для отображения этих параметров целенаправленной деятельности коллективного актора, как правило, используется термин *стратегии*, отстраивающий управленческие смыслы проектирования от политических, коммуникативных и дискурсивных (в этом плане стратегию и политику будет соединять лишь использование публичных и латентных практик целеполагания [Соловьев, 2022]).

С этой точки зрения «нарративные стратегии» должны рассматриваться *не* как «средство влияния», «способ побуждения к действию» или инструмент по защите интересов», оказывающий воздействие «на решения органов власти» [Shanahan et al., 2011, p. 552; Hirsch, Baxter, Brown, 2010], а как обобщенная характеристика целенаправленной активности коллективных акторов, которая – при соотношении с политическими смыслами – акцентирует управленческие, административные параметры использования

нарративов для изменения правительственной повестки, нанесения ущерба соперникам, отвлечение внимания общества от политически опасных проблем, реконфигурации общественного мнения и т.д.

Одним словом, для уточнения возможностей нарративных политик следует различать «стратегический характер», который носят используемые в нарративах символы и языки, «предназначенные для привлечения подкрепления (сторонников. – *А. И.*) на свою сторону в конфликте» [Stone, 2012, p. 155], со стратегиями как особыми формами коллективной деятельности. Такое более аутентичное прочтение стратегий (отражающее скоординированность совместных действий коллективных акторов) хорошо заметно в работах, рассматривающих активность различных вовлеченных в формирование и воплощение нарративных политик коалиций («побеждающей», «оппонирующей», связанной «убеждениями» и др. [McBeth et al., 2007; Mc Beth et al., 2010; Hajer, 1993]), которые выполняют разные функции в тиражировании и институционализации предпочитаемых историй или же расставляющие смысловые акценты, принципиально меняющие политическую аргументацию.

Соотношение политических и стратегических параметров нарративных политик по-своему проявляется в типичных разновидностях этого типа деятельности. Наиболее показательными в данном случае можно считать формы регуляторной, распределительной и перераспределительной политик, которые, по мнению ученых, наиболее полно соответствуют задачам расширения «базы оппозиции или поддержки» [Lowi, 1964, p. 715].

В этой связи NPF-исследователи полагают, что хотя нарративные политики государства в основном обладают регуляторным характером (направленным на нахождение и поддержание необходимого баланса сил), однако они выполнены в терминах перераспределения, демонстрирующих не только политическую целесообразность таких действий, поскольку реагируют на чувствительное отношение людей к базовым для них смысловым конструкциям – изъятию и прибытку [Kuhlmann, Blum, 2021, p. 281, 296], но и предполагают применение организационных акций, без которых эти цели достигнуты быть не могут. Причем в рамках перераспределительной политики (и семантики), порождающей «гораздо больше конфликтов, чем политика распределения» [Knill, Tosun, 2020, p. 15], вообще не используют «нарративы, легитимирующие ограничительные меры» [Kuhlmann, Blum, 2021, p. 285], а упор

делается не на фигуры лиц, принимающих решения, а на целевые группы и особенно на бенефициаров.

В дополнение необходимо упомянуть и то, что особая роль в продвижении целей нарративных политик принадлежит «рассказчикам» и дискурсивным коалициям, способным поддерживать традиции и нормы данного (со)общества, использовать фольклоризацию культурного опыта, учитывать ментальные стереотипы и многоликие проявления национального характера, за которыми скрываются значимые традиции и обряды, ценности семейной и личной жизни, отношение людей к властям предрешающим и др. В самом общем виде трансляторы и интерпретаторы избранных сюжетов должны делать убедительные акценты на выгодах и преимуществах своих целей, затрагивающих жизненные интересы людей, и, преуменьшая собственные издержки, обращать внимание на потери и чрезмерность затрат оппонентов [McBeth et al., 2007]. Технологически это требует от рассказчиков привязки сюжетов и образов «героев / негодяев» к местоположению адресатов, их этническим и гендерным особенностям, а также иным субстанциональным параметрам.

Однако при всей важности фигур «рассказчиков» основной источник мощи нарративных политик – это уровень институциональной поддержки, способный при использовании «идеологизированных аппаратов» (А. Грамши) (киноиндустрии, театрального и художественного искусства, системы образования и спорта высоких достижений, подстраивающих сюжетные линии под специфику различных интересов гражданского сектора) побудить достаточное количество людей «переформулировать свою ... идентичность и интересы» [Jessop, 2012, p. 3]. Однако чрезмерно активные акции институтов, популяризирующих отношение к соперникам как к носителям негативной валентности ценностей, может спровоцировать их собственную дискредитацию. В целом же эскалация нарративного давления на культурное тело человека и превращение популяризируемых сюжетов в инструмент разжигания (классовой, этнической, гендерной и др.) ненависти, не исключаяющей установки на физическое уничтожение соперников, способно спровоцировать массовое сенситивное потрясение в обществе, образование ложных идентификационных моделей (связывающих групповую солидарность с нанесением ущерба другому), доводящих «биополитические» позиции людей до ненависти и «зубовного скрежета» от самого факта наличия противоположных идей и ценностей. Одним словом, нарративные политики, апеллируя к сокровенным

глубинам человеческого сознания, в условиях острой конкуренции за власть и жизненные ресурсы сохраняют риски культурной инверсии, растворяющей высокие смыслы и символы солидарности, патриотизма и иных этических максим в ненависти к реальным или вымышленным противникам. Такие государственные и корпоративные нарративные политики, поощряющие враждебность и призывающие человека лишь «щетиниться на врага», обесценивают смысл политической коммуникации, заставляя его руководствоваться стандартами догосударственного порядка, где «война всех против всех» разрушает институциональное и общегражданское сообщество.

Боле того, перенося такой стиль нарративных политик на пространство мировой политики, где современные «правительства находятся в постоянном конфликте внутри анархической глобальной системы», где «основные лица, принимающие решения во внешней политике, имеют значительную ... свободу действий в рамках ... модели волюнтаризма (подразумевающей уверенность в свободной воле и личной приверженности)» [Narzary, Narzary, 2023, р. 2667–2668], может случиться, что глобальные игроки (особенно в странах, возглавляемых несистемными политиками) способны в своем противостоянии отбросить человечество к каменному веку.

Конечно, реальные формы нарративных политик на национальных площадках, где «языковая игра» нарративов «становится игрой власти» [Ульданов, 2024, с. 69] со всеми присущими ей особенностями игроков и их интересов, требуют существенной спецификации и серьезных эмпирических исследований. Но это уже задача другого характера.

Заключение

Нарративные политики, постепенно становясь мощным инструментом перестройки дискурса и отношений государства и общества, обладают особым содержанием и функционалом. В конечном счете сила и мощь их различных версий в пространстве власти обусловлена институциональной поддержкой масштабируемых повествований, уровнем конгруэнтности политических рассказов основным субкультурным образованиям общества и им идентификационным моделям (включая мастерство и репутацию «рассказчиков»), а также результативностью использования организационно-

административных ресурсов (поддерживающих координацию с последователями и конституэнтами). В то же время политическое влияние скрытых от общества сегментов правящего класса на нарративные политики и стратегии сохраняет высокий уровень неопределенности в понимании и оценке подлинных целей этих политических проектов (прикрываемых различными историями).

Таким образом, с одной стороны, предлагаемая NPF-исследователями трактовка и структура нарратива, будучи надежным основанием аутентичной интерпретации их политической роли в формировании и осуществлении различных отношений государства и общества, не позволяет до конца убедительно раскрыть этот тип политического проектирования в пространстве власти, а, следовательно, упреждение новых рисков, несущих угрозы стабильности, а в логическом пределе и опасности катастрофических последствий нерегулируемой конкуренции и доминирования крупных политических инвесторов. Остаются вопросы и относительно сочетания нарративных политик с их административным каркасом, предопределяющим стратегические усилия политических игроков и в первую очередь государства.

И все же, несмотря на трудности, связанные с выявлением подлинных, прикрываемых повествовательными конструкциями целей правящих элитарных групп, исследования нарративных политик помогут глубже оценить не столько масштаб диссиминации политических рассказов и их конгруэнтность ориентирам и ценностям доминирующих в обществе и в структурах власти групп, сколько роль нарративов в осуществлении политически целесообразных проектов и возможностей общества повлиять на такие планы. Возможно, такие исследования помогут глубже понять те шансы, которые существуют у общества, чтобы услышать в нарративах угрозы крупных политических игроков в части усиления контроля и манипулятивного содержания дискурса (т.е. нанесения нарративными политиками ущерба правам, свободам и безопасности гражданского населения) и даже разрушения зоны безопасности индивида в социуме.

A.I. Soloviev*

Narratives in the area of power.

The possibilities and limits of narrative politics

Abstract. Experience shows that narratives are gradually becoming the main tool for organizing public discourse, gaining substantial significance for all political actors maneuvering in the space of power. This raises a research problem: how do the mechanisms of public promotion of political stories change the communicative environment in the space of power, while fitting into the general political course of the state and influencing the goals of competing actors, thereby transforming society's reaction to the rivalry of political meanings and values embedded in stories.

One way to solve this problem is to consider the role of narratives in the area of public policy, where the latter is understood as a type of power space that reflects the competition of rival forces and their targeted projects. This perspective, which combines the established interpretations of state policies in the scientific literature with the targeted use of narratives, allows us to clarify the political functionality of this cognitive construct that influences public opinion and political change.

Methodologically, the solution to this problem involves the use of the principles of non-classical and non-classical methodologies with their nomothetic strategies, which make it possible to link the deployment of political narratives with public policy actors, as well as structures and mechanisms of political and administrative regulation. This allows us to correctly use the vocabulary of the targeted use of narratives, describing the relevant actions of structures and institutions through the prism of constructivist, communicative and narrative approaches that reveal the process of assimilation of target invectives by people and taking into account the transversal connections of public and latent actors, administrative and political methods of political design.

Keywords: power; the field of politics; public discourse; profane culture; narratives; narrative politics.

For citation: Soloviev A.I. Narratives in the area of power. The possibilities and limits of narrative politics. *Political science (RU)*. 2025, N 2, P. 18–40. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>

References

- Berinsky A.J., Kinder D. R. Making sense of issues through media frames: understanding the Kosovo crisis. *The Journal of politics*. 2006, Vol. 68, N 3, P. 640–656.
- Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2007, 288 p. (In Russ.)
- Epstein J. M. Modeling civil violence: An agent-based computational approach. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2002, Vol. 99, N 3, P. 7243–7250.
- Forattini F. For a broader understanding of corruption as a culture fact, and its influence in society. *Academia letters*. 2021, Article 2245.

* **Soloviev Alexander**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: solovyev@spa.msu.ru

- Hajer M. Discourse coalitions and the Institutionalization of practice: The case of acid rain in Britain. In: Fischer F., Forester J. (eds). *The argumentative turn*. Durham: Duke university press, 1993, P. 43–76.
- Hirsch R., Baxter J., Brown C. The importance of skillful leaders: understanding municipal pesticide policy change in Calgary and Halifax. *Journal of environmental planning and management*. 2010, Vol. 53, N 6, P. 743–757.
- Jessop B. Cultural political economy, spatial imaginaries, regional economic dynamics. In: Brand O., Eser P., Dörhöfer S. (eds). *Ambivalenzen regionaler kulturen und identitäten*. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2012, P. 2–29.
- Jones M., McBeth M., Shanahan E. Introducing the narrative policy framework. In: Jones M. D., Shanahan E. A., McBeth M. K. *The science of stories: Applications of the narrative policy framework*. New York: Palgrave, 2014, P. 1–25.
- Jones M., Radaelli C. Narrative policy framework: child or monster? *Critical policy studies*. 2015, Vol. 9, N 3, P. 339–355.
- Jungrav-Gieorgica N. Narrative policy framework – public policy as a battle of narratives. *Studia z Polityki Publicznej*. 2020, Vol. 7, N 2, P. 109–135.
- Kirillov A.G. *Political narrative: structure and pragmatics: based on the material of the modern English-language press*. Ph. D. degree dissertation. Samara, 2007, 209 p. (In Russ.)
- Knill C., Tosun J. *Public policy: A new introduction*. London: Bloomsbury Publishing, 2020, 363 p.
- Knoepfel P., Larrue C., Varone F., Hill M. *Public policy analysis*. Bristol: Policy Press, 2007, 336 p.
- Konkov A.E. *The latent space of public policy in the modern state: in search of a theoretical model*. Moscow: Argamak-media, 2021, 222 p. (In Russ.)
- Kuenzler J., Stauffer B. Policy dimension: A new concept to distinguish substance from process in the narrative policy framework. *Policy studies journal*. 2022, Vol. 51, N 1, P. 11–32.
- Kuhlmann J., Blum S. Narrative plots for regulatory, distributive, and redistributive policies. *European policy analysis*. 2021, Vol. 7, N S2, P. 276–302.
- Likhachev D.S. On the national character of Russians. *Philosophical sciences*. 1990, N 4, P. 3–6. (In Russ.)
- Lowi T. American business, public policy, case-studies, and political theory. *World politics*. 1964, N 16 (4), P. 677–715.
- McBeth M., Lybecker D., Garner K. The Story of good citizenship: framing public policy in the context of duty-based versus engaged citizenship. *Politics & Policy*. 2010, N 38 (1), P. 1–23.
- Malinova O. Legitimizing Putin's regime. The transformations of the narrative of Russia's Post-Soviet transition. *Communist and post-communist studies*. 2022, Vol. 55, N 1, P. 52–75.
- McBeth M., Shanahan E., Arnell R., Hathaway P. The intersection of narrative policy analysis and policy change theory. *The policy studies journal*. 2007, N 35, P. 87–108.
- Musikhin G.I. Narrative as a semantic element of political symbolization. *Questions of theoretical economics*. 2024, N 2, P. 116–133. (In Russ.)
- Narzary K., Narzary A. Analyzing the diverse perspectives on balance of power. *Journal of propulsion technology*. 2023, Vol. 44, N 4, P. 2665–2670.

- Petrosyan S.P. Symbol: essence and purpose. *Bulletin of Omsk University*. 2018, N 4 (23), P. 103–114. (In Russ.)
- Pleger L., Lutz P., Sugar F. Public acceptance of incentive-based spatial planning policies: A framing experiment. *Land use policy*. 2018, N 73, P. 225–238.
- Podshibyakina T.A. Narrative politics: theory and discursive practices. *Questions of political science*. 2021, N 11, P. 1968–1979. (In Russ.)
- Pomiguyev M.A., Prokopchuk T.L., Koshkin A.V. Possibilities of the method of narrative analysis or how to look for political values in Russian cinema? *Political Science (RU)*. 2024, N 3, P. 45–65. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.02> (In Russ.)
- Pralle S. *Branching out digging in: environmental advocacy and agenda setting*. Washington: Georgetown Press, 2006, 279 p.
- Sabatier P., Jenkins-Smith H. (eds) *Policy change and learning: An advocacy coalition approach*. Boulder: Westview Press, 1993, 290 p.
- Schlauffer C., Kuenzler J., Jones M., Shanahan E. The narrative policy framework: A traveler's guide to policy stories. *Polit vierteljahresschr*. 2022, N 63, P. 249–273.
- Shanahan E., Jones M., McBeth M. Policy narratives and policy processes. *The policy studies journal*. 2011, Vol. 39, N 3, P. 535–561.
- Shanahan E., Jones M., McBeth M., Lane R. An angel on the wind: How heroic policy narratives shape policy realities. *The Policy studies journal*. 2013, N 41 (3), P. 453–483.
- Shanahan E., Raile E., French K., McEvoy J. Bounded stories. *The policy studies journal*. 2018 a, N 46 (4), P. 922–948.
- Shanahan E., Jones M., McBeth M. How to conduct a narrative policy framework study. *The social science journal*. 2018 b, N 55 (3), P. 332–45.
- Sheigal E.I. The multifaceted narrative. *Political linguistics*. 2007, Vol. 22, N 2, P. 86–93. (In Russ.)
- Smirnov V.A. *Political elites in small countries: questions of theory*. Moscow: ROSSPEN, 2017, 151 p. (In Russ.)
- Soloviev A.I., Konkov A.E. *Latent mechanisms of public policy formation*. Moscow: Aspect-press, 2022, 96 p. (In Russ.)
- Soloviev A.I. Latent functionality of public policy. *Political Science (RU)*. 2022, N 3, P. 57–79. (In Russ.)
- Soloviev A.I. Inside elite communication: collisions of ideological and narrative symbolization. *Power and elites*. 2024, Vol. 11, N 3, P. 7–28. (In Russ.)
- Soloviev A.I. Doctrinal symbolization and political vernacular of narratives. What is changing in the public field? *Policy. Political Studies*. 2025, N 1, P. 66–87. (In Russ.)
- Stone D. *Policy paradox: The art of political decision making*. New York: WW. Norton, 2012, 408 p.
- Tosun J., Schaub S. Constructing policy narratives for transnational mobilization: Insights from European citizens' initiatives. *European Policy Analysis*. 2021, Vol. 7, P. 344–364.
- Uldanov A.A. Policy narratives in parliamentary debates: approaches to analyzing narrative elements, functions, and strategies. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 66–86. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.03> (In Russ.)
- Weible C., Sabatier P. (eds). *Theories of the policy process*. New York: Westview Press, 2017, 416 p.
- Windhoff-Héritier A. *Policy-Analyse*. Frankfurt am Main: Campus-Verlag, 1987, 185 p.

Литература на русском языке

- Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Кириллов А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика: на материале современной англоязычной прессы: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 209 с.
- Коньков А.Е. Латентное пространство публичной политики в современном государстве: в поисках теоретической модели. – М.: Аргмак-медиа, 2021. – 222 с.
- Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Философские науки. – 1990. – № 4. – С. 3–6.
- Мусихин Г.И. Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 2. – С. 116–133.
- Петросян С.П. Символ: сущность и предназначение // Вестник Омского университета. – 2018. – № 4. – С. 103–114.
- Пошибякина Т.А. Нарративная политика: теория и дискурсивные практики // Вопросы политологии. – 2021. – № 11. – С. 1968–1979.
- Помигуев М.А., Прокопчук Т.Л., Кошкин А.В. Возможности метода нарративного анализа, или Как искать политические ценности в российском кино? // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 45–65. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.02>
- Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. – М.: РОССПЭН, 2017. – 151 с.
- Соловьев А.И., Коньков А.Е. Латентные механизмы формирования государственной политики. – М.: Аспект-пресс, 2022. – 96 с.
- Соловьев А.И. Латентный функционал публичной политики // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 57–79.
- Соловьев А.И. Внутриэлитарная коммуникация: коллизии идеологической и нарративной символизации // Власть и элиты. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 7–28.
- Соловьев А.И. Доктринальная символизация и политическое просторечие нарративов. Что меняется в публичном поле? // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 66–87.
- Ульданов А.А. Политические нарративы в парламентских дебатах: подходы к анализу нарративных элементов, функций и стратегий // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 66–86. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.03>
- Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. – 2007. – Т. 22, № 2. – С. 86–93.